PT40
C54

РТ
40
С 54

1711—1911

ЛОМОНОСОВЪ

ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

РѢЧЬ

А. И. Соболевскаго

произнесенная

въ Торжественномъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ

8 ноября 1911 года

въ память 200-лѣтія со дня рожденія

М. В. ЛОМОНОСОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, 12.
1911.

55359

РТ
40
С54

7 91.7 (09)

1711—1911

ЛОМОНОСОВЪ

ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

РѢЧЬ

А. И. Соболевскаго

произнесенная

въ Торжественномъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ

8 ноября 1911 года

въ память 200-лѣтія со дня рожденія

М. В. ЛОМОНОСОВА.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
ИНВ. 55359
8

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, 12.
1911.

98/9

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1911 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

ЛОМОНОСОВЪ
ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Академика А. И. Соболевскаго.

Старая Россія пользовалась двумя языками.

Одинъ изъ нихъ былъ литературнымъ, другой — живымъ и дѣловымъ.

Первый въ своемъ основаніи былъ не русскій, а церковно-славянскій языкъ, языкъ древняго перевода Священнаго Писанія, языкъ богослужебныхъ книгъ, языкъ многочисленныхъ произведеній, составлявшихъ литературу старой Россіи; современная наука видитъ въ этомъ церковно-славянскомъ языкѣ языкъ древнихъ болгаръ-славянъ. Первые русскіе писатели старались пользоваться церковно-славянскимъ языкомъ въ возможно-чистомъ его видѣ; но близость этого языка къ живому русскому мѣшала имъ разбираться въ ихъ элементахъ, и потому, даже въ наиболѣе раннихъ произведеніяхъ русской литературы, мы находимъ болѣе или менѣе пеструю смѣсь двухъ языковъ, съ преобладаніемъ особенностей то одного, то другого языка. Семнадцатый вѣкъ въ Москвѣ получилъ отъ болѣе ранняго времени литературный языкъ очень сложнаго состава. Въ немъ было нѣкоторое число дѣйствительно древнихъ формъ, словъ и оборотовъ церковно-славянскаго языка, но преобладали элементы искусственные, появившіеся раньше или позднѣе на русской почвѣ. Главною задачею русскаго литератора въ это время было писать такъ, чтобы вполнѣ замѣтно было различіе между литератур-

нымъ языкомъ его произведенія и живою обычною рѣчью, чтобы у него были «высота словесъ» и «извитіе словесъ», т. е. особенныя слова и многословные, запутанные періоды. «Простая рѣчь» была въ пренебреженіи, и если старый литераторъ обращался къ ней, его собратья ему ставили въ недостатокъ его «просторѣчіе» и укоряли его: онъ пишетъ «по-просту», «якоже поселяне». Само собою разумѣется, только наиболѣе талантливые люди умѣли совмѣщать «высоту словесъ», «извитіе словесъ» съ удобопонятностію; что же касается до литератора со скромнымъ талантомъ, его литературная рѣчь даже для образованнаго современника нерѣдко заключала въ себѣ темныя мѣста, гдѣ въ массѣ словъ скорѣе можно было угадывать смыслъ, чѣмъ дѣйствительно понимать.

Въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII, какъ разъ передъ рожденіемъ Ломоносова, Москва познакомилась съ новыми литераторами, болѣе искусными въ литературномъ дѣлѣ, чѣмъ ихъ московскіе собратья, получившими образованіе въ Кіевской Академіи и изучившими тамъ, вмѣстѣ съ другими науками, также науку церковно-славянской грамматики. Но эти литераторы (Симеонъ Полоцкій, Епифаній Славинецкій, Стефанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій и др.) не дали Москвѣ новаго литературнаго языка; напротивъ того, они постарались приспособиться къ господствовавшему въ Москвѣ вкусу и внесли лишь одну новизну—однообразныя формы, согласно указаніямъ пройденной ими въ школѣ грамматики.

Рядомъ съ литературнымъ языкомъ, церковно-славянскимъ въ своемъ основаніи, Москва пользовалась живымъ русскимъ языкомъ для дѣловой письменности. Этотъ языкъ,

съ болѣе или менѣе простымъ синтаксисомъ, но за то вполнѣ для всѣхъ доступный и удобопонятный, мы находимъ не только въ разнаго рода челобитныхъ, купчихъ, судейскихъ приговорахъ, не только въ дипломатической перепискѣ, но также въ законодательныхъ памятникахъ, какъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, и въ руководствахъ по военному дѣлу, какъ напечатанная въ Москвѣ въ 1647 году «Книга ратнаго строенія». Живой русскій языкъ ограничивалъ свое употребленіе дѣловою областью, не входя въ соперничество съ литературнымъ церковно-славянскимъ языкомъ.

Само собою разумѣется, неопытные люди, особенно иностранцы переводчики, какихъ было въ Москвѣ много въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ, нерѣдко смѣшивали въ своихъ текстахъ оба русскіе языка и прибавляли къ нимъ элементы своихъ родныхъ языковъ, всего чаще польскаго. Но это у нихъ происходило въ силу ихъ невѣдѣнія и не вмѣнялось имъ въ вину, тѣмъ болѣе, что они брались за перо не по доброй волѣ, а во исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей.

Петръ Великій, какъ извѣстно, повелѣлъ перевести и напечатать цѣлый рядъ сочиненій по исторіи, по военному и морскому дѣлу, по разнымъ наукамъ. Онъ не любилъ церковно-славянскаго языка съ его высокими словами и относительною неудобопонятностью для простого человѣка и предпочиталъ ему русскій языкъ, тотъ слогъ, которымъ писались дѣловыя бумаги въ Посольскомъ приказѣ. Однако, несмотря на приказъ Петра, «такъ писать, какъ внятнѣе» [1]), главные дѣятели русской литературы Петровской эпохи,

1) Пекарскій, Наука и литература, I, стр. 227.

для своихъ сочиненій и переводовъ продолжали пользоваться церковно-славянскимъ языкомъ. Даже въ такихъ книгахъ, какъ календари, печатавшіеся для широкаго распространенія среди читающей публики, мы постоянно видимъ, и въ прозѣ, и тѣмъ болѣе въ стихахъ, тотъ самый литературный языкъ, которымъ пользовались до Петра, можетъ быть, болѣе понятный, но въ своихъ составныхъ элементахъ не имѣющій отъ него замѣтныхъ отличій.

Вотъ четверостишіе изъ напечатаннаго въ Петербургѣ календаря на 1724 годъ, вышедшаго въ свѣтъ за годъ съ небольшимъ до смерти Петра.

Временна жизнь по степенемъ проходитъ,
Въ всякій седьмый годъ премѣненія плодитъ.
Мнози въ нуждѣ и печали бываютъ,
Но въ свое время паки возставаютъ[1]).

Само собою разумѣется, представительница науки въ Москвѣ Петровскаго времени, Славяно-греко-латинская Академія держалась старины и воспитывала своихъ питомцевъ въ старыхъ преданіяхъ. Когда въ концѣ 1722 года Петръ Великій прибылъ въ Москву изъ персидскаго похода, Академія привѣтствовала его торжественною «пѣснію», стихотвореніемъ въ родѣ позднѣйшей оды, гдѣ восхваляла его побѣды и взятіе Дербента:

Торжественная паки намъ отрада
Спѣшно приходитъ, россійская чада,
Отъ восточныя военныя брани
Марсовой дани,

1) Пекарскій, II, стр. 602.

Гдѣ прогоняше супостатовъ мраки
Кавалерскими мужественъ Марсъ драки,
Расширяющи россійски предѣлы
Марсовы дѣлы и т. д.[1]).

Смерть Петра Великаго не внесла въ русскую жизнь ничего новаго. Его преемники, можетъ быть въ силу инерціи, продолжали вести Россію по принятому имъ направленію, и царскій дворъ съ ближайшимъ къ нему духовенствомъ и чиновничествомъ былъ очагомъ, гдѣ пылало яркимъ пламенемъ западничество, откуда это западничество распространялось по всей Россіи. Разница между Петровскою эпохою и послѣдовавшимъ за нимъ періодомъ въ четверть столѣтія заключалась лишь въ одномъ. При Петрѣ еще преобладало вліяніе Германіи, гдѣ уже тогда были сильны науки, но гдѣ была слаба изящная литература, гдѣ повсюду чувствовалось французское вліяніе. Нѣмцы часто пользовались нѣмецкимъ языкомъ, но для ученыхъ сочиненій предпочитали употреблять старый литературный языкъ средневѣковой Европы, латинскій, совсѣмъ чужой для нѣмца и понятный лишь хорошо-образованному человѣку. Послѣ Петра у насъ по немногу восторжествовало французское вліяніе и къ половинѣ XVIII вѣка сказалось уже въ достаточной силѣ. Славная во всей Европѣ, какъ образцовая, французская литература была на живомъ французскомъ языкѣ. На немъ писали свои оды и сатиры Буало, свои трагедіи Корнель и Расинъ, свои комедіи Мольеръ, свой прозаическій романъ Фенелонъ, всюду читавшіеся и всюду вызывавшіе горячія похвалы. Примѣръ французовъ

1) Пекарскій, II, № 528.

побуждалъ литераторовъ всей Европы писать на своемъ родномъ языкѣ и при этомъ, если не держаться близко обычной живой рѣчи, то во всякомъ случаѣ и не отдаляться отъ ея высшихъ образцовъ, какіе можно было слышать изъ устъ лучшаго общества.

Еще при Петрѣ нѣкоторое число русскихъ молодыхъ людей получили образованіе во Франціи и овладѣли французскимъ языкомъ. Другіе научились французскому языку въ Россіи. Дочери царя Анна и Елисавета уже говорили по-французски. Послѣ Петра, особенно со вступленія на престолъ Елисаветы, французское вліяніе получило преобладаніе въ Петербургѣ и русскій дворъ сдѣлался его центромъ. Вмѣстѣ съ французскимъ вліяніемъ появилось у насъ преклоненіе предъ французскими знаменитыми писателями и стремленіе подражать имъ и слѣдовать за ними во всемъ.

Реформа литературнаго языка въ Россіи была неизбѣжною. Вопросъ былъ одинъ: насколько будетъ она удачна?

Первыя сознательныя попытки преобразовать литературный языкъ въ Россіи были сдѣланы Кантемиромъ и Тредьяковскимъ. И тотъ, и другой были представителями французскаго вліянія. Кантемиръ откровенно признавался, что онъ многое «занялъ у француза»; Тредьяковскій указывалъ на французскую литературу какъ на передовую и образцовую. Но ни тому, ни другому не удалось преобразовать литературный языкъ. Кантемиръ, повидимому, былъ въ Россіи болѣе иностранцемъ, чѣмъ русскимъ; а Тредьяковскому, при всей его учености, при всемъ его трудолюбіи, недоставало вкуса.

Въ виду этого слава преобразователя русскаго литературнаго языка принадлежитъ М. В. Ломоносову, который выступилъ съ своею реформою вполнѣ самостоятельно, независимо отъ Кантемира и Тредьяковскаго, и вообще отъ какихъ бы то ни было предшественниковъ.

Ломоносовъ поставилъ себѣ трудную задачу. Онъ пожелалъ совмѣстить старину и новизну въ одно гармоническое цѣлое, такъ, чтобы друзья старины не имѣли основанія сѣтовать о сокрушеніи этой старины, а друзья новизны не укоряли въ старомодности. Могучій талантъ помогъ Ломоносову.

Онъ воспользовался живымъ русскимъ языкомъ, тѣмъ русскимъ языкомъ, которымъ говорили при царскомъ дворѣ и въ лучшемъ обществѣ того времени, но, гдѣ было нужно, облагородилъ его, возвысилъ и украсилъ прибавленіемъ тѣхъ элементовъ литературнаго церковно-славянскаго языка, которые вошли въ него изъ церковныхъ книгъ, которые дѣйствительно были церковно-славянскими. Эти элементы были точно опредѣлены Ломоносовымъ. Языкъ церковныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ не мало формъ и словъ, малопонятныхъ даже образованному русскому. Ломоносовъ ихъ устранилъ, какъ матеріалъ не подходящій. Но въ языкѣ церковныхъ книгъ есть много другихъ элементовъ, такихъ, которые не только вполнѣ понятны, но даже вполнѣ обычны для каждаго русскаго, къ какому бы слою общества онъ ни принадлежалъ и какое бы образованіе онъ ни получилъ. Ломоносовъ ихъ призналъ пригодными для русскаго литературнаго языка. Дѣйствительно, кто можетъ затрудняться въ пониманіи церковно-славянскихъ словъ градъ, гладъ, хладъ, при русскихъ городъ,

голодъ, холодъ? Для кого могутъ звучать странно слова прегражда́ть, совращать, нощь?

Такое раздѣленіе церковно-славянскаго матеріала принадлежитъ вполнѣ Ломоносову. Къ нему подходили Кантемиръ и Тредьяковскій; но лишь отчасти, не давая себѣ отчета. Если бы Ломоносовъ ограничился этимъ раздѣленіемъ церковно-славянскаго матеріала, онъ сдѣлалъ бы уже крупное дѣло. Но онъ имъ не удовлетворился. Онъ присоединилъ къ нему также раздѣленіе элементовъ живого русскаго языка. Мы имѣемъ слова болѣе или менѣе рѣдкія и слова обыденныя, слова употребительныя вездѣ и всегда и слова грубыя, вульгарныя, такія, которыхъ мы по возможности избѣгаемъ. Ломоносовъ понялъ, что соединеніе церковно-славянскихъ элементовъ съ вульгарными русскими въ литературномъ языкѣ не можетъ звучать пріятно для человѣка съ развитымъ вкусомъ, и потому устранилъ это соединеніе. Такимъ образомъ у него получился новый литературный языкъ, правильный и гармоничный, сближавшійся со старымъ литературнымъ языкомъ чрезъ общіе имъ обоимъ церковно-славянскіе элементы и сложный синтаксисъ, но бывшій въ своемъ основаніи русскимъ, для всѣхъ понятный и всѣхъ удовлетворяющій.

Теоретическія основанія новаго литературнаго языка и его дѣленіе на стили Ломоносовъ изложилъ уже въ концѣ своей дѣятельности, но ввелъ ихъ въ практику въ первыхъ же своихъ произведеніяхъ.

Успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Старый литературный языкъ, литературный языкъ старой Россіи быстро замолкъ и безъ борьбы уступилъ мѣсто своему преемнику.

И дѣйствительно, если мы сопоставимъ два отрывка одного и того же времени, начала царствованія императрицы Елисаветы, одинъ со старымъ литературнымъ языкомъ, другой съ новымъ, мы поймемъ, что борьба была невозможна.

Первый отрывокъ—изъ школьной драмы «Стефанотокосъ» (= въ вѣнцѣ рожденный), имѣющей своимъ предметомъ событіе изъ жизни Императрицы Елисаветы до вступленія ея на престолъ. Пьеса была написана послѣ переворота 25 ноября 1741 года, доставившаго торжество дочери Петра Великаго, скорѣе всего въ 1742 году. Кто былъ ея авторомъ, мы пока не знаемъ. Несомнѣнно, это былъ преподаватель или Московской Славяно-греко-латинской Академіи, или одной изъ семинарій, всего скорѣе Новгородской. Дѣйствующій въ драмѣ царь говоритъ:

Десницу мою врази, десницу всесильну
Познавше и державу въ милости обильну,
Всѣ уже подъ моими падоша ногами,
Что довольно можете видѣти вы сами.
Изъ далечайшихъ земель преславные цари
Прислаша богатые и дивные дары,
Милости и покоя просяще покорно
Отъ насъ, что повелѣхомъ сотворить неспорно [1]).

Второй отрывокъ—начало одной изъ одъ Ломоносова, оды на прибытіе Императрицы Елисаветы изъ Москвы въ Петербургъ послѣ коронаціи, въ 1742 году.

1) В. И. Рѣзановъ, Памятники русской драматической литературы. Нѣжинъ, 1907, стр. 259.

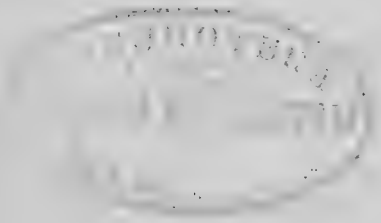
Какой пріятный зе́фиръ вѣетъ
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,—
Мрачнѣе нощь грозитъ врагамъ,
Брега Невы руками плещутъ,
Брега Ботнійскихъ водъ трепещутъ.

Взнесись превыше молній, Муза,
Какъ быстрый съ Пиндаромъ орелъ,
Гремящихъ арфъ ищи союза
И въ верхъ пари скоряе стрѣлъ;
Сладчайшій нектаръ лей съ Назономъ;
Превысь Парнассъ высокимъ тономъ;
Съ Гомеромъ, какъ рѣка, шуми
И, какъ Орфей, съ собой веди
Въ торжественъ ликъ древа и воды
И всѣхъ звѣрей пустынныхъ роды.

Если бы мы не знали, что эти два отрывка написаны въ одно то же время, вѣроятно, въ одномъ и томъ же году, мы бы усомнились въ ихъ современности. Такъ первый отрывокъ связанъ съ преданіями старой Руси, съ произведеніями Симеона Полоцкаго и его послѣдователей, а второй близокъ къ намъ; мы сами не пишемъ уже такъ, какъ писалъ Ломоносовъ, но наши дѣды охотно бы признали второй отрывокъ своимъ.

Драма «Стефанотокосъ», изъ которой приведенъ мною отрывокъ, была написана въ одной изъ русскихъ школъ около 1742 года. А черезъ нѣсколько лѣтъ въ другой русской школѣ, наиболѣе славной и авторитетной, въ Кіевской Академіи, преподаватель разъяснялъ студентамъ, что «in nostro idiomate maxime legendus est Michaël Lomonosow», что изъ русскихъ писателей имъ надо читать всего больше Ломоносова и слѣдовать ему какъ образцу.

Преобразованіе литературнаго языка въ Россіи было подготовлено Ломоносову рядомъ литературныхъ дѣятелей XVIII вѣка; къ нему стремились Кантемиръ и Тредьяковскій. Поэтому это преобразованіе не получило характера переворота, и мы не можемъ причислять Ломоносова къ тѣмъ героямъ въ исторіи, геній которыхъ даетъ міру новыя идеи, неожиданныя для его современниковъ. Но тѣмъ не менѣе честь преобразованія русскаго литературнаго языка принадлежитъ Ломоносову. Его таланту мы обязаны тѣмъ, что преобразованіе было счастливо и совершилось быстро. Плодами его труда мы и до сихъ поръ пользуемся.


1) Перетцъ, Историко-литературныя изслѣдованія. Т. III, стр. 65.